

Смысл всемирной истории и эволюция государств Древнего мира

Разуваев Н. В.

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: razuvaev-nv@ranepa.ru

Аннотация

Введение. В статье рассмотрены основные закономерности и движущие силы эволюции государства на конкретно-историческом материале эволюции государств Древнего мира. По мнению автора, выявление таких закономерностей затруднено тем, что исторический процесс невозможно отождествить с природными процессами и явлениями, поддающимися количественному описанию и формулированию на этом основании всеобщих законов. Автор считает более уместным использовать категорию смысла всемирной истории, на основе которой раскрывается специфика исторического процесса применительно к различным правовым традициям прошлого, в частности к государствам Древнего мира, являющимся предметом исследования.

Методология и материалы. Исследование основано на постклассической методологии, которую развивают современные теоретики и историки права (С. В. Кодан, Д. А. Пашенцев, А. В. Поляков, И. Л. Честнов и др.). К числу основных методов исследования относятся социально-антропологический, феноменологический, культурно-исторический, семиотический и другие методы, дополняющие традиционно используемую в литературе классическую (позитивистскую) методологию.

Результаты исследования и их обсуждение. Автор выделяет основные факторы эволюции государств Древнего мира, к числу которых относятся: во-первых, универсализация духовных (нравственных, религиозных, правовых, политических и иных) ценностей; во-вторых, совершенствование средств знаковой коммуникации, способствующее передаче культурной информации всё большему количеству людей и тем самым вовлекающее их в правовое и политическое общение; в-третьих, рост структурной сложности государств, выступающий ответом на вызовы, создаваемые внешней, социальной и культурной, средой; в-четвертых, взаимные влияния культурных традиций, способствующие передаче исторического опыта. Делается вывод о том, что переход на каждую последующую ступень эволюции государства способствует всё более глубокому раскрытию смысла всемирной истории, а также достижению человечеством единства в многообразии, что является целью и назначением исторического развития.

Выводы. Смысл мировой истории, раскрывающийся в ходе всемирно-исторического развития, предопределяет его целенаправленный характер. При этом цель мировой истории, в том числе истории государств Древнего мира, является характеристикой самого развития, определяющей его общую направленность и основные этапы. Представляется, что подобное понимание цели как максимально полного раскрытия аксиологического содержания всемирной истории снимает вопрос о так называемом конце истории, достижимом хотя бы в отдаленной исторической перспективе.

Ключевые слова: всемирная история, эволюция, ценности, Древний мир, античность, государство, община, полис, империя.

Для цитирования: Разуваев Н. В. Смысл всемирной истории и эволюция государств Древнего мира // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2025. № 3 (25). С. 22–40. EDN: GYCYTA

The article was submitted: 31.03.2025
The article approved after reviewing: 07.05.2025
The article accepted for publication: 05.08.2025

The Meaning of World History and The Evolution of States of The Ancient World

Razuvaev N. V.

The North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation)

E-mail: razuvaev-nv@ranepa.ru

Abstract

Introduction. The article attempts to examine the main patterns and driving forces of state evolution using specific historical material from the evolution of states in the Ancient World. According to the author, identifying such patterns is difficult because the historical process cannot be identified with natural processes and phenomena that can be quantitatively described and formulated on this basis as universal laws. The author believes that it is more appropriate to use the category of the meaning of world history, on the basis of which the specific historical process is revealed in relation to various legal orders and legal traditions of the past, in particular to the states of the Ancient World, which are the subject of the study.

Methodology and materials. The study of the subject is carried out on the basis of post-classical methodology developed by modern theorists and historians of law (S. V. Kodan, D. A. Pashentsev, A. V. Polyakov, I. L. Chestnov, et al). The main research methods used in this work include, first of all, socio-anthropological, phenomenological, cultural-historical, semiotic and other methods that complement the classical (positivistic) methodology traditionally used in literature.

Results of the study and their discussion. The author identifies the main factors in the evolution of the states of the Ancient World, which include: firstly, the universalization of spiritual (moral, religious, legal, political and other) values; secondly, the improvement of the means of sign communication, which facilitates the transfer of cultural information to an increasing number of people and thereby involves them in legal and political communication; thirdly, the growth of the structural complexity of states, which is a response to the challenges created by the external, social and cultural environment; fourthly, the mutual influences of cultural traditions that facilitate the transfer of historical experience. Based on the conducted study, it is concluded that the transition to each subsequent stage of the evolution of the state contributes to an increasingly deeper and more complete disclosure of the meaning of world history, as well as the achievement of unity in diversity by humanity, which is the goal and purpose of historical development.

Conclusions. The meaning of world history, revealed in the course of world-historical development, predetermines its purposeful nature. At the same time, the goal of world history, including the history of the states of the Ancient World, is a characteristic of the development itself, determining its general direction and main stages. It seems that such an understanding of the goal as the most complete disclosure of the axiological content of world history removes the question of the so-called “end of history”, achievable at least in the distant historical perspective.

Keywords: world history, evolution, values, ancient world, antiquity, state, community, polis, empire.

For citation: Razuvaev, N. V. (2025) The Meaning of World History and The Evolution of States of The Ancient World. *Theoretical and Applied Law*. No. 3 (25). Pp. 22–40. (In Russ.)

Введение

Многие полагают, что обсуждать *смысл всемирной истории* применительно к человечеству в целом является столь же пустым и тщетным занятием, как и обсуждение *смысла жизни* применительно к отдельному человеку. Одно из наиболее ярких выражений такой позиции принадлежит А. Камю, полагавшему, что единственно допустимая постановка вопроса о смысле жизни заключается в том, «стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить»¹. Эта убежденность стала чуть ли не всеобщей в эпоху постмодерна², для которой вопросы о смысле жизни и смысле истории принадлежали к числу псевдопроблем, порожденных наивным стремлением философов обнаружить тайны бытия там, где трезвому научному разуму видятся только эмпирические факты, подлежащие эмпирическому же исследованию методами точных, естественных или социальных наук³.

Представляется, что в гуманитарном познании последовательная реализация подобной установки ограничивает предметную область таких дисциплин, как история, искусствознание, психология и даже юриспруденция, где познавательная ценность универсальных моделей проблематична. Еще Г. Риккерт, размышляя о причинах неприменимости естественнонаучной методологии к наукам о социальном и духовном мире, пришел к выводу о принципиальном различии двух видов познания, представленных, с одной стороны, *науками о природе* и, с другой стороны, *науками о духе*. По мнению философа, отличительной особенностью естественных наук является применение генерализующего метода, направленного на образование *общих понятий*. Напротив, в науках о культуре, всегда имеющих своим предметом исторически изменчивые сугубо уникальные явления, применяется индивидуализирующий метод, направленный на выявление качественного своеобразия рассматриваемых феноменов. Оправданность его применения в науках о духе (или в гуманитарных науках) объясняется тем, что в центре их внимания находится исторический процесс как процесс становления и непрерывного изменения единичных явлений⁴.

Эта дихотомия, пользующаяся популярностью и в современной литературе, при всей своей кажущейся логической стройности, нуждается в коррективах. Прежде всего, может сложиться впечатление, будто необходимое условие применения генерализующего метода состоит в том, что формулируемые на его основе общие понятия имеют внеисторический характер, словно бы самой сутью исторической науки является описание только единичных фактов, в противоположность наукам теоретическим, обобщающим доступный им эмпирический материал. Подобного мнения придерживался, как известно, М. Вебер, сделавший предметом своей теоретической социологии выведение общих понятий, описывающих исторические феномены, в частности, понятие *капитализма*, в равной мере применимое и к раннебуржуазным обществам XV–XVI вв., и к развитым индустриальным, а также постиндустриальным системам наших дней⁵.

Более того, некоторые историки (в том числе историки государства и права⁶) идут еще дальше, видя в общих понятиях *капитализма* и *феодализма* такие универсальные категории, которые, чередуясь, сменяют друг друга во все исторические эпохи, задавая тем самым динамику исторического процесса в целом⁷. Нет сомнений, что такие теоретические обобщения, ориентированные на гене-

¹ Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 24.

² По мнению Ж. Ф. Лиотара, категорический отказ обсуждать вопрос о смысле исторического процесса, симптоматичный для интеллектуальной ситуации постмодерна, относится к числу наглядных проявлений недоверия в отношении метанарративов, одним из которых является история человечества. См.: Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. С. 10–11.

³ См. об этом: Ломакина И. Б., Честнов И. Л. Постгуманизм как вызов антропологии права // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (53). С. 31–32. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.03. EDN: ERWPEW. Учитывая лингвистический поворот, переживаемый философией и социально-гуманитарным познанием, возникает искушение сделать вывод, что смысл истории, смысл жизни и т. п. есть смысл, приобретаемый соответствующими словами в контексте той или иной языковой игры.

⁴ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 67–74.

⁵ См.: Вебер М. Предварительные замечания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44 и след.

⁶ Так, Е. Б. Хохлов применяет с известными оговорками термин «буржуазия» к свободному торгово-ремесленному населению классических греческих полисов V–IV вв. до н. э. Остается, правда, открытым вопрос, насколько соответствуют капиталистическому способу производства, сколь бы широко его ни понимать, развитые рабовладельческие отношения. См.: Хохлов Е. Б. Организация хозяйства и труда в античную эпоху // Российский ежегодник трудового права. 2010. № 5. С. 12. EDN: MULTXI

⁷ См.: Мейер Э. Экономическое развитие Древнего мира. М.: Труд, 1910; Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford: Oxford University Press, 1926; Гуревич А. Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад // Вопросы философии. 1968. № 2. С. 118–129 и др.

рализующий метод, применяемый в естественных науках, грешат излишним схематизмом, вступая в неизбежное противоречие с историческим материалом. В самом деле, определяя античное общество как «капиталистическое», мы отдаем дань известной модернизаторской тенденции, отождествляя господствующий в Древнем мире способ производства, являвшийся по преимуществу аграрным, с индустриальным производством, не просто присущим капитализму Нового времени, но и определявшим его основные характеристики (такие как свободное производство и предпринимательство, концентрация капитала, преобладание частной собственности, национальные государства и т. п.). Неслучайно переход к постиндустриальной экономике в наиболее развитых регионах мира означал в этих регионах конец капитализма как такового.

Вместе с тем ошибочной представляется и противоположная тенденция, состоящая в преднамеренной архаизации обществ прошлого, якобы не имевших ничего общего с современным обществом во всем, включая экономику, политические отношения, право, культуру и даже человеческую личность (являющуюся то ли принципиально лишенной индивидуального начала, как полагают одни авторы, то ли сугубо индивидуалистичной, по мнению других). На примере этих двух крайностей, как искусственной модернизации, так и искусственной архаизации явлений прошлого, легко убедиться в правильности высказывания современного исследователя, по словам которого, античная экономика, подобно любой иной стороне античной жизни, «не была ни „капитализированной“, ни патриархальной, она была *особенной*, и в этом все дело»⁸.

Методология и материалы

Таким образом, цель настоящей работы состоит в том, чтобы попытаться обосновать и раскрыть значение *смысла всемирной истории* как фундаментального общего понятия, определяющего основные направления и этапы исторического развития человечества. В условиях тотального недоверия к метанарративам, ранее выполнявшим смыслообразующую функцию, экспликация смыслового измерения человеческого бытия на всех его уровнях, включая историческое измерение, приобретает особенную актуальность для гуманитарного познания⁹. Не составляют исключения и правовые науки, для которых утрата смысловой определенности предмета исследования приобрела далеко идущие последствия не только в познавательном, но и в практическом отношении.

В статье предпринята попытка продемонстрировать, что смысл всемирной истории проявляет себя со всей наглядностью в эволюции государственных образований — от момента их зарождения до наших дней. Решение этой задачи на колоссальном массиве эмпирического материала невозможно в рамках одного исследования, оно требует совместных усилий всех представителей историко-юридического сообщества. Поэтому представляется целесообразным ограничить предмет исследования в данном случае эволюцией государств Древнего мира, рассмотрев ее основные вехи и факторы в контексте сформулированной выше общей гипотезы. В плане обоснования последней древняя история представляется особенно релевантной.

В период между III тысячелетием до н. э. и серединой I тысячелетия н. э. процессы генезиса и эволюции государства происходили с особой скоростью и сопровождались тектоническими изменениями социальных структур под влиянием множества обстоятельств: действием экологических факторов, появлением новых технологий и социально-экономических укладов, революционных преобразований в духовной сфере и т. п. С учетом интенсивности перечисленных процессов древность, особенно античную древность, с достаточными на то основаниями можно сравнить с эпохой модерна, наступление которой сопровождалось столь же мощными тектоническими сдвигами в социально-экономической,

⁸ Андреев В. Н. Структура частного богатства в Афинах V–IV вв. до н. э. // Вестник древней истории. 1981. № 3 (157). С. 27.

⁹ См. подробнее об этом: Пашенцев Д. А. Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 44–50. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2022-3-44-50>

политической и духовной сферах¹⁰. При этом рискнем предположить, что древнее государство является гораздо более «компактной» и лучше поддающейся описанию моделью, чем государство Нового времени, хотя бы в силу обозримости эмпирического материала¹¹.

Для достижения цели настоящего исследования решались следующие задачи: раскрытие аксиологического основания смысла мировой истории на конкретном примере римского государства, оказавшего мощное стимулирующее влияние на последующее развитие государства в контексте западной правовой традиции; рассмотрение на фактическом материале основных факторов и движущих сил эволюции государств Древности, а именно совершенствования средств знаковой коммуникации, усложнения социальных структур с целью повышения эволюционной устойчивости последней и взаимного влияния, оказываемого друг на друга культурными традициями; применение постклассических (постнеклассических) методов, в настоящее время приобретающих всё большее значение в историко-правовых исследованиях.

Поскольку смысловое измерение мировой истории, включая историю права и государства, на протяжении многих веков занимало умы ведущих философов и ученых, методология ее исследования также развивалась под влиянием различных факторов, среди которых ведущую роль играла смена идеалов научной рациональности, а именно переход от классики к неклассике, а затем и к постнеклассике. В рамках этих различающихся своими идейными и методологическими основаниями типов рациональности проблема смысла и назначения мировой истории получала диаметрально противоположные решения, в том числе применительно к эволюции государства. Можно утверждать, что в контексте постнеклассической эпистемологии категория смысла приобретает особое теоретическое значение и методологическую нагрузку. Как справедливо указывается в литературе, «в истории (и истории права) во второй половине XX в. возникают и активно развиваются новые методологические подходы, которые задают онтологию восприятия и оценки прошлого: история ментальностей и историческая антропология; история понятий и дискурса, новая интеллектуальная история; нарративная история; микроистория; устная история и др.»¹².

Перечисленные подходы нанесли сокрушительный удар по «традиционной», то есть позитивистской, историко-правовой науке, ориентированной на описание эмпирических фактов, законодательных памятников прошлого, чье содержание зачастую было не релевантно социально-историческому и культурному контексту соответствующих эпох. Последнее обстоятельство придает особую значимость выявлению смысла исторических феноменов, равно как и исторического процесса в целом. В последние годы смысловое измерение исторических феноменов получило глубокое и всестороннее рассмотрение в работах сторонников постклассического правопонимания, прежде всего таких, как А. А. Дорская, С. В. Кодан, И. Б. Ломакина, В. И. Павлов, Д. А. Пашенцев, Д. Ю. Полдников, И. Л. Честнов и др.¹³

Эти и другие исследователи активно развивают постклассическую методологию историко-юридического познания, применяя феноменологический («эйдетический»), социально-антропологический, сравнительный, культурно-исторический, семиотический и другие методы, направленные на прояснение широкого социально-исторического контекста, в рамках которого протекает эволюция государств в целом и эволюция государств Древнего мира в частности¹⁴. Эта методология, используемая и в настоящей

¹⁰ См. подробнее: Полдников Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права. В 2 т. Т. I. Правовые традиции Древности и Средневековья. М.: Норма, ИНФРА-М, 2023. С. 36 и след.

¹¹ Как отмечает Э. Хобсбаум, «одному историку невозможно знать всю историографию двадцатого века, даже историографию на каком-либо одном из основных языков, в отличие от специалиста по классической античности или истории Византийской империи, который знает не только всю литературу, написанную в эти периоды, но также и более позднюю литературу о них» (Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Изд-во «Независимая газета», 2004. С. 7).

¹² Честнов И. Л., Ломакина И. Б. Социокультурная антропология права как историко-правовая методология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 46. DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-44-49>

¹³ См.: Честнов И. Л. Постклассическая методология правовых исследований // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2 (76). С. 14–21. EDN: LIGMQZ

¹⁴ Совокупность методов, используемых постклассической историко-правовой наукой, получила развитие в рамках так называемого мемориального поворота. См. подробнее об этом: Тихонова С. В. Коммуникативная теория права в цифровую эпоху. Дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2025. С. 276 и след.

работе, призвана дополнить традиционно применяемые в литературе юридико-догматический, логико-грамматический, герменевтический и иные классические методы правового познания.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Смысл истории как ценностная основа эволюционного процесса

Для правильного понимания исторической специфики государств Древнего мира явно недостаточно простого фактографического описания, к которому сводится индивидуализирующий метод, поскольку многообразие исторических фактов требуется систематизировать и упорядочивать, руководствуясь некоей концепцией. Однако такая концепция не может быть преднаходимой историческому процессу, подобно неким «законам истории», каждый из которых обладает значительной долей условности, в силу чего неудачей завершались любые попытки уподобить их законам, действующим в природном мире. Любые объяснения исторического процесса могут иметь лишь качественный характер, и эти объяснения должны быть направлены на поиски его смысла, играющего в социально-гуманитарном познании ту же роль, какую законы играют в познании природы.

Представляется, что, в отличие от природных законов, воплощающих в себе действие *принципа причинности*, смысл истории *телеологичен*, он получает свое объяснение в свете той конечной цели, на достижение которой направлен исторический процесс. Данное утверждение может вызвать скептическое восприятие в наши дни, когда любые схемы исторического процесса, выстраивавшиеся не только в отдаленном прошлом, но и в относительно недавнее время, потерпели, на первый взгляд, впечатляющую неудачу. Велико искушение сделать на этом основании и другой вывод, а именно, что не существует осмысленной Большой Истории, а имеется множество малых (частных) историй, лишенных своего смысла¹⁵. Полагающие так не учитывают разноплановость, многослойность всемирной истории, включающей в себя множество *историй* (культурную, политическую, социально-экономическую), излагаемых применительно к различным субъектам (народам, обществам, цивилизациям, отдельным индивидам) и под разными углами зрения.

Именно поэтому смысл всемирной истории видится нам в качестве синтетической категории, сквозь призму которой каждая из частных историй, вполне возможно не имеющая смысла как таковая, перестает быть цепью случайных событий, но превращается в процесс, обладающий внутренним единством и когерентностью. По сути, речь идет об *истории как эволюции* человечества, причем эволюции, направленной на максимальное осознание людьми своего духовного единства, которое, вне всяких сомнений, достигается посредством максимальной реализации цивилизационного многообразия и одновременно путем преодоления барьеров, разделяющих цивилизации, препятствуя их взаимопониманию и диалогу.

Диалектика исторического развития, соединяющего в себе как «системные» (поступательные), так и «алеаторные» (скачкообразные) изменения, особенно ярко проявляет себя в истории Древнего Рима, прошедшего через серию революций, радикально изменявших дальнейший ход событий. К числу таких революций относятся революция 509 г. до н. э., установившая республиканский строй, революция 367 г. до н. э., расширившая власть плебса и приведшая к появлению должности городского претора (*praetor urbanus*), «революция братьев Гракхов» (II в. до н. э.), уравнившая патрициев и плебеев в имущественных правах. Но сюда также следует отнести и не менее значимую «революцию Тарквиниев» 616 г. до н. э., устранившую племенное деление римской общины, что в дальнейшем способствовало

¹⁵ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. II. Время лжепророков. Гегель, Маркс и иные оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. С. 311. Убежденностью в том, что история человечества есть не что иное, как интеллектуальный фантом, был продиктован призыв итальянского философа Б. Кроче «навсегда отказаться от познания всеобщей истории» (Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 25). Следует, однако, различать всеобщую историю, представляющую собой механическую совокупность частных историй, и историю человечества как феномен, обладающий смысловым измерением, гарантирующим внутреннее единство.

появлению единой *civitas*, и революцию Ливия Друза 91 г. до н. э., расширившую права италиков, в том числе в сфере судопроизводства.

А разве *res publica restitutio*, инициированная императором Августом в 27 г. до н. э., по своим масштабам и последствиям не имела революционного характера, при всей консервативности своего идеологического оформления, ввиду чего ее следует с достаточными на то основаниями назвать «Цезарианской революцией»?¹⁶ Легко видеть, что каждая из перечисленных революций способствовала как территориальному расширению *Pax Romana*, так и преодолению внутренних разделений (племенных, внутриобщинных, межгосударственных и т. п.) при сохранении культурной идентичности и политической автономии народов, входивших в состав Римской империи¹⁷. Даже в позднейшей империи, на первый взгляд унифицированной Диоклетианом, Константином Великим и Феодосием I, сохраняется исторически сложившийся симбиоз западной и восточной частей, до последнего момента осознававших свою принадлежность к одной, если можно так выразиться, материнской цивилизации.

Позднее античная модель организации имперского пространства реализовывалась средневековыми империями (Византийской и Священной Римской), каждая из которых, позиционируя себя в качестве «подлинной» Римской империи, на деле поддерживала непрерывность ее существования в пространственной и временной перспективах¹⁸. Отталкиваясь от опыта «долгой Римской империи», эволюция которой в течение почти 2 тыс. лет определяла общий ход западной истории, можно прийти к выводу, что и смысл всемирной истории состоит в максимальном приближении человечества к такому состоянию, которое мы можем обозначить как *единство в многообразии*.

Это единство в многообразии имеет множество различных проявлений, и наиболее важен среди них диалог культурных ценностей, определяющих содержание человеческой коммуникации во всех ее измерениях, включая коммуникацию политическую и правовую. Уже на первичном уровне, каковым является жизнь каждого из нас, ценности выступают основным мотивирующим фактором поведения, определяющим его цели. Приходится признать, что в отсутствие такой цели человеческое существование утрачивает имманентно присущее ей системное единство, распадаясь на множество не связанных между собой поведенческих актов, зачастую имеющих чисто инстинктивный характер¹⁹. Примечательно, что такое, неотделимое от смысла, целеполагание имеет не только осознанный рациональный характер, но и проявляется на бессознательном уровне.

Следовательно, уже в человеческом поведении проявляет себя универсальный характер базовых (традиционных) ценностей, таких как благополучие, знания, добро, любовь, свобода, ответственность, справедливость, патриотизм, служение ближним, вера в Бога и т. п.²⁰ Важно отметить, что каждая из перечисленных ценностей имеет множество рациональных, иррациональных, а также сверхрациональных манифестаций, «наслаивающихся», по выражению Н. Гартмана, друг на друга²¹. Отмеченная особенность получает еще более отчетливое выражение в рамках исторического процесса. Осмысленному и целенаправленному характеру последнего, как было показано ранее, не противоречит то обстоятельство, что индивидуальные и коллективные действия людей, являющиеся основной движущей силой истории, имеют «ограниченно рациональный» характер. Результатом духовного, нравственного и правового про-

¹⁶ См.: Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949; Межеричкий Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

¹⁷ См.: Кофанов Л. Л. Внешняя система римского права: право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности. М.: Статут, 2015.

¹⁸ См.: Величко А. М. «Византийские» полномочия западных императоров и королей // Юридическая мысль. 2011. № 5 (67). С. 71. EDN: ONZJOJ

¹⁹ По словам С. Л. Франка: «Бессмысленна, прежде всего, <...> личная жизнь каждого из нас. Первое, так сказать, минимальное условие возможности достижения смысла жизни есть *свобода*; только будучи свободными, мы можем действовать „осмысленно“, стремиться к разумной цели, искать полноты удовлетворенности» (Франк С. Л. Смысл жизни. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1976. С. 61). Таким образом, уже здесь намечаются ближайшие аксиологические условия обретения смысла как для жизни отдельного человека, так и для мировой истории в целом.

²⁰ См. подробнее: Поляков А. В. Конституция России, традиционные ценности и основной принцип права // Конституция и общественный прогресс: материалы междунар. научно-практ. конференции / отв. ред. М. С. Саликов, О. А. Заячковский. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 13–23. EDN: GFBDRW

²¹ См. об этом: Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. С. 610.

гресса становится своеобразная «кристаллизация» ценностей, осознание их значимости всё большим числом людей. А это, в свою очередь, влечет за собой экспликацию цели исторического процесса, достижение которой даже в отдаленной временной перспективе, безусловно, невозможно, но которая определяет (в том числе на бессознательном уровне) то направление, по которому движется всемирная история.

Таким образом, мир истории является прежде всего царством ценностей, конституирующих и трансформирующих социокультурное пространство человеческого бытия. Именно благодаря присутствию ценностей в истории, во-первых, поддерживается ее континуитет, непрерывность во времени, а во-вторых, происходит расширение социального пространства, обусловленное генерализацией ценностей и распространением их действия на всё более широкие человеческие общности, вплоть до человечества в целом. Причем эти два измерения, а именно историческое пространство и время человеческой истории, взаимно связаны между собой. Так, социальное пространство представляет собой совокупность исторически изменяющихся практик, взаимодействий и полей, которые являются результатами интернализации субъективного и intersубъективного опыта, зафиксированного в разнообразных знаково-символических формах²².

2. Знаково-символические аспекты эволюции государства

Символическое измерение является необходимым аспектом социального пространства, следовательно, любые взаимодействия, формирующие структуру последнего, имеют символический характер. Это, в свою очередь, предполагает, что социальные контакты должны быть осмысленными, без чего невозможно их воспроизводство. Причем символическое опосредование социальных взаимодействий может осуществляться различными способами, и главную роль здесь играет придание ценностной значимости социальным коммуникациям, поскольку ценности являются смысловой основой любых знаковых форм. Именно при помощи ценностей осуществляется символическое господство, цементирующее социальное пространство, которое в противном случае распалось бы на множество не связанных между собой фрагментов.

В исторической ретроспективе имеет место эволюция семиотических систем, влекущая за собой придание им общезначимости, в том числе и в смысловом плане, что приводит к расширению социального пространства. Это легко проследить на примере естественных языков, эволюция которых представляет собой, как показал Н. Я. Марр, ряд последовательно сменяющих друг друга стадий: жестовой (кинетической) речи, лишенной на первых порах даже осмысленных звуковых элементов; оро-акустической (звуковой) речи и графической (визуальной) речи²³. На первой стадии знаковая коммуникация происходит лишь в границах небольших групп, члены которых находятся друг от друга на минимальном расстоянии, необходимом для того, чтобы видеть производимые жесты, и обладают опытом, в том числе опытом аксиологическим, позволяющим понимать значение этих жестов.

Вместе с тем знаки жестовой речи обладают сугубо предметным значением, означаемым таких знаков выступают конкретные объекты, на которые производится указание, поэтому жестовая речь не способна передавать общие понятия, имеющие абстрактное значение. Будучи по большей части индексальными или иконическими, такие знаки вызывают в сознании коммуникантов наглядные представления об отдельных вещах и явлениях, а также об ассоциативных связях между ними. По мере развития жестовой речи эти ассоциации становятся всё более сложными, они начинают включать в себя цепочки образов, понимание которых в силу конкретности их значения становится недоступным для тех, кто не принадлежит к соответствующему коллективу²⁴.

²² См.: Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. С. 64 и след.

²³ См.: Марр Н. Я. Язык и мышление // Марр Н. Я. Избранные работы. Т. III. Язык и общество. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 109.

²⁴ См.: Фробениус Л. Детство человечества. СПб.: Изд-во книжного магазина П. В. Луковникова, 1910. С. 43–48.

С переходом к оседлости расширяются внешние контакты, а следовательно, и пределы социального пространства, внутри которого происходят знаковая коммуникация и циркуляция смыслов. Теперь социальное пространство совпадает уже не с малыми группами бродячих охотников-собираателей, но с проживающими по соседству друг с другом оседлыми земледельческими коллективами, связанными между собой хозяйственными, политическими, культурными контактами. Причем не всегда такие контакты имели дружественный или хотя бы мирный характер, но они могли становиться таковыми, когда члены соседствующих общин говорили на одном языке, поклонялись одним и тем же богам, использовали сходные культурные образы и разделяли общие ценности.

Иными словами, коммуникация между оседлыми сельскохозяйственными общинами имела место тогда, когда складывались предпосылки для взаимопонимания и, следовательно, взаимного признания их членами человеческой сущности друг друга в противоположность тем, за кем право на принадлежность к человеческому роду отрицалось в принципе. Вместе с тем обладатели устной речи по-прежнему оставались в плену господствующего способа коммуникации, накладывающего целый ряд ограничений и создающего дополнительные препятствия к достижению взаимного понимания с другими людьми и их сообществами в сравнении даже с кинетической речью. А именно устная речь лишена тех элементарных знаков, являющихся первичным пластом и общим полем коммуникации, доступным всем способным понимать жестовую речь.

Учитывая, что древнейшие культуры, использовавшие устную речь, по-прежнему являлись царством допонятийного ассоциативно-образного мышления, каждая из таких культур была замкнута в круге порожденных ею религиозно-мифологических, поэтических, художественных и иных образов. Это позволяет констатировать радикальное отличие оро-акустических культур (как дописменных, так и письменных) от культур, в основе которых лежит графическая коммуникация, в том числе в части восприятия социального пространства и времени²⁵. Как подчеркивает М. Маклюэн, «ребенок, живущий в западном мире, окружен абстрактно-эксплицитной визуальной технологией однородного времени и единообразно-непрерывного пространства, где „причина“ рациональна, целесообразна и последовательна, а события вызываются к жизни и происходят в одной плоскости и в последовательном порядке. Африканский ребенок живет в неявно выраженном магическом мире произнесенного устного слова. Он сталкивается не с рациональными, но с формальными причинами конфигурационного поля, культивируемого сообществами, лишенными письменности»²⁶.

К этому следует добавить, что не только африканский, но и афинский человек эпохи расцвета полисной демократии жил в мире устного слова, созданном устной, оро-акустической коммуникацией. При этом повторим, что доминирование устной коммуникации в античной цивилизации означало отнюдь не отсутствие либо неразвитость иных средств передачи информации (в том числе жестовых знаков и письменной речи), но лишь особое место, занимаемое в культуре диалогической устной речью²⁷. Со временем, однако, ведущую роль начинает играть письменная коммуникация, не в последнюю очередь в силу таких своих особенностей, как возможность передачи на значительные расстояния, доступность письменной речи всем носителям языка, а также ее *формальная определенность*, то есть возможность тождественной интерпретации письменного сообщения всеми адресатами, способными его прочесть, повышающая степень взаимопонимания последних.

Благодаря этому письменная речь оказалась способной связывать воедино членов больших сообществ, рассеянных на огромных территориях. Неслучайно уже в древних империях (таких как Империя Ахеменидов, Сасанидская Персия, Ханьский Китай, Римская империя и др.) письменные тексты начина-

²⁵ Заметим, что оро-акустическая культура не всегда имеет строго бесписьменный характер. Парадоксальным образом появление письменности на первых порах приводит к расцвету оро-акустической коммуникации, примером чему служит культура античности, долгое время основанная на звучащей речи. По словам С. Л. Утченко, диалогичность, ярче всего проявившаяся в античной философии, «должна рассматриваться как частный случай, как проявление одной из особенностей античной культуры в целом, точнее — более общей и специфической ориентации этой культуры. Мы имеем в виду ориентацию античной культуры на устное, живое, звучащее слово и на его слуховое восприятие, то есть на то, что может быть названо оро-акустической ориентацией» (Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима III–I вв. до н. э. М.: Наука, 1978. С. 8).

²⁶ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический Проект; Фонд Мир, 2005. С. 49.

²⁷ См.: Дорфеев Д. Ю. Личность и коммуникация. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб.: ЧОУ РХГА, 2015. С. 27.

ют играть ведущую роль во всех сферах общения, от права до поэзии и философии. Эпоха, когда именно письменная коммуникация занимает центральное положение в культуре различных народов, перестраивая ее на принципиально новых началах, была названа К. Ясперсом *осевым временем*. По словам философа: «В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим и по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности»²⁸.

Важным аспектом рассматриваемых тенденций является *универсализация ценностей*, представляющая собой необходимое условие существования любой империи. Именно ценности сплавляют разнородный конгломерат жителей империи с их историей, языками, религиями в единый гражданский коллектив. Сплачивающее значение ценностей со всей отчетливостью осознавалось правителями Римской империи, неслучайно ее история — это история борьбы за общие ценности. Причем ошибкой было бы связывать универсализацию ценностей исключительно с гонениями на тех, кто не разделял их, ведь в подавляющем большинстве случаев они внедрялись в человеческую жизнь исключительно мирным путем. Люди принимали такие ценности прежде всего в силу своей уверенности в вечности и неизменности поддерживаемого ими миропорядка. Эта уверенность обеспечивалась различными средствами, в том числе моральными и юридическими, приобретавшими в империях поистине универсальный характер, ярким свидетельством чему является римское частное право.

3. Социальные структуры и эволюция государств в Древнем мире

Перечисленные факторы, а именно развитие средств знаковой коммуникации, форм социальной организации и, прежде всего, динамика ценностей, выступающих смысловым ядром, вокруг которого конструируется социокультурная реальность в ее историческом измерении, определяют направление эволюции государства. Ее основными этапами выступают аграрные общины, городские общины (полисы), империи и национальные государства, которые на наших глазах трансформируются, приобретая новые формы, характер которых всё еще остается неясным²⁹. В понимании же механизмов и движущих сил социокультурной эволюции, включающей и эволюцию государства, мы склонны придерживаться идей Ж. Б. Ламарка, объясняющих эволюцию социального мира в значительно большей степени, чем дарвиновский эволюционизм.

Среди основных идей Ламарка, делающих его концепцию применимой к эволюции социокультурных порядков, включая государство, следует выделить, во-первых, телеологизм, то есть направленный характер эволюции, во-вторых, стадийный характер видообразования (так называемую ламарковскую лестницу видов), в-третьих, наследование приобретенных признаков как движущую силу эволюции и, в-четвертых, скрещивание видов как один из основных факторов видообразования³⁰. Легко убедиться, что в социальном мире находят применение все перечисленные Ж. Б. Ламарком принципы эволюционного развития, включая столь неоднозначно оцениваемый биологами принцип наследования приобретенных признаков. Более того, эволюция социальных порядков во многом происходит именно за счет появления новых признаков и их последующего закрепления, что особенно отчетливо проявляется в эволюции государства, где с приобретением новых признаков происходит переход от одного исторического типа государства к другому, причем каждый следующий тип отличается большей степенью сложности в плане

²⁸ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 33.

²⁹ И. М. Дьяконов и В. А. Якобсон выделяли следующие типы государств Древнего мира: номы, территориальные царства, полисы и империи (см.: Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 3–16). Нельзя не отметить, что некоторые элементы этой типологии представляются явно излишними или дублирующими друг друга. В частности, речь идет о «номовых государствах», выступающих частными случаями государства-общины, получившего распространение преимущественно в Древнем Египте и на Ближнем Востоке. Что же касается «территориальных царств», то нельзя не отметить проблематичности данного понятия, учитывая слабую выраженность территориального признака в применении к традиционным государствам Древнего мира и Средних веков. См. об этом, в частности: *Hampf F. Poleis ohne Territorium* // *Klio*. 1939. Bd. 32. S. 1–60.

³⁰ См.: Поздняков А. А. Что такое ламаркизм? // *Lethaea rossica*. Российский палеоботанический журнал. 2022. Т. 25. С. 60. DOI: 10.34756/GEOS.2023.17.38594. EDN: QLBHNG

структурной организации и набора функций, что, в свою очередь, влияет на сложность и многообразие *форм* государства.

Следует отметить, что по мере увеличения сложности эволюционирующих систем растет, по вполне понятным причинам, их уязвимость. Вот почему «несвязная однородность», при всей своей примитивности, в эволюционном плане оказывается более прочной, чем «связная разнородность»³¹. Развивая эту мысль, Ж. Б. Ламарк подразделил всё многообразие природных объектов («тел») на две обширные категории: тела организованные, живые, и тела неорганизованные, неживые. По его словам, «Существа, или тела живые — животные и растения — составляют<...> первую из этих двух ветвей созданий природы, и, как известно, эти тела обладают способностью питаться, развиваться, размножаться, и все они неизбежно обречены на смерть»³². Собственно усложнение внутренней организации, структурно-функциональных характеристик, как биологических организмов, так и социокультурных систем, является эволюционным механизмом, призванным повысить их устойчивость к деструктивным воздействиям со стороны внутренних и внешних факторов.

Однако повышение степени организационной сложности эволюционирующих систем не только делает их более жизнеспособными и долговечными, но и одновременно порождает новые уязвимости, создающие угрозу существованию системы, в ответ на появление которых последняя вынуждена усложнять свою организацию до тех пор, пока само это усложнение не приводит ее к деградации или распаду³³. Тогда на смену данному порядку приходят новые порядки, которые, с одной стороны, обладают большей простотой и, следовательно, меньшей уязвимостью, с другой же стороны, наследуют признаки, приобретенные предшествующими порядками в ходе эволюционного развития. Эти новые признаки становятся дополнительными эволюционными преимуществами, позволяющими системе совершенствоваться, избегая чрезмерного усложнения, чреватого уязвимостью соответствующего порядка. Таким образом, процесс эволюции — это непрерывное соревнование со смертью, где смерть всегда одерживает победу, но сама эта победа играет благотворную роль, поскольку дает начало новой жизни, чье движение вперед начинается с того самого места, где оборвалась прежняя жизнь.

С учетом вышеизложенного получают теоретическое объяснение любые виды эволюции, включая эволюцию государства. Собственно, переход на каждую последующую ступень эволюционного развития традиционного государства, а именно от государства-общины к полисному государству (в тех обществах, где последнее вообще складывалось) и от полисного государства к империи, на первых порах мог и не сопровождаться наличием внешней атрибутики соответствующих типов государственности, которая приобреталась лишь с течением времени, когда качественное состояние было достигнуто, и нуждалась в формальной легитимации. Например, римское государство превратилось в империю к середине II в. до н. э., то есть после окончания Третьей Пунической войны, задолго до оформления принципата Августа, ставшего лишь итоговой вехой на длительном пути, ведущем от полиса к империи.

4. Культурная диффузия как фактор эволюции государства

Этот процесс происходил под действием сложной констелляции факторов, требующих отдельного рассмотрения. Важное место среди них занимало влияние, оказываемое со стороны других государств Ближнего Востока и Средиземноморского региона, имевшее характер прямого либо опосредствованного заимствования накопленного ими политического опыта. Проблема заимствования, или *диффузии*, культурных форм как фактора исторического процесса имеет неоднозначный характер и не раз станови-

³¹ В самом деле, первобытные группы бродячих охотников-собирателей, не подвергаясь губительному воздействию со стороны других обществ, могут существовать практически в неизменном состоянии сотнями тысяч лет, что свидетельствует о высоком уровне гомеостаза, обеспечивающего стабильность таких групп, в чем можно убедиться на примере австралийских аборигенов.

³² Ламарк Ж. Б. Вступительные лекции к курсу зоологии // Ламарк Ж. Б. Избранные произведения. В 2 т. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 10.

³³ См.: Тойнби А. Дж. Исследование истории. В 3 т. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ; «Изд-во Олега Абышко», 2006. С. 134 и след.

лась предметом обсуждения на страницах специальной литературы³⁴. В своем классическом виде диффузионизм сводится к утверждению, согласно которому любое новое культурное явление или комплекс возникают лишь однократно в конкретных условиях, после чего распространяются в пространстве посредством взаимного влияния, оказываемого культурами друг на друга.

Не оспаривая значения культурных заимствований в истории человечества, мы вместе с тем полагаем, что идеи диффузионизма и эволюционизма не исключают, а скорее взаимно дополняют друг друга. Особенно когда речь идет об эволюции такого культурного феномена, как государство, движущими силами которой выступают как факторы внутреннего развития, так и внешние заимствования, совершаемые одними цивилизациями у других через посредствующие звенья. К числу таких заимствований относится феномен империи, изначально не характерный для античной цивилизации, фундамент которой составляли города (полисы) и городские гражданские общины, то есть своего рода «малые социальные формы», вполне сопоставимые с малыми формами художественного творчества, также получившими развитие в рамках античной цивилизации³⁵.

Это господство малых форм социальной организации не в последнюю очередь было связано с особенностями географического ландшафта, долгое время ставившими пределы территориальному росту античного государства. Как известно, доминирующей чертой ландшафта, в котором приходилось существовать ранним греческим и латинским полисам, являлись горные массивы, отделявшие друг от друга сравнительно узкие плодородные равнины, в которых располагались античные города-государства³⁶. В подобных условиях строительство империй оказывалось невозможным, более того, сама античная культура долгое время (вплоть до эпохи эллинизма) не располагала не только политико-юридическими, но и ментальными инструментами, которые позволили бы ее носителям мыслить в имперских категориях.

Указанное обстоятельство в числе прочего дает основание некоторым историкам права утверждать, что не существовало путей преемственности, связывавших античное государство с государственными образованиями Древнего Востока³⁷. Со своей стороны, мы полагаем, что трансформация античного полисного государства в империю, а точнее возможность «надстраивания» имперских структур над первичными полисными организмами, продолжавшими свое существование и в империях наследников Александра Великого, и в Римской империи, стала результатом прямого культурного заимствования опыта древневосточных цивилизаций, имевшего двоякую направленность. Первое и самое раннее знакомство греков с империями Древнего Востока состоялось еще в эпоху Великого переселения народов, спровоцированного «катастрофой бронзового века» (XIII–XII вв. до н. э.), когда ахейцы Пелопоннеса и Эгеиды столкнулись с их мощью в дельте Нила и под стенами Трои³⁸.

Имеются основания предположить, что именно этот опыт послужил стимулом к формированию на территории материковой Греции мощных деспотических государств со столицами в Микенах, Пилосе, Тиринфе и др., заимствовавших элементы правового и политического порядков не столько от минойской цивилизации, уже отошедшей в область далеких преданий, сколько от современным им цивилизаций Древнего Востока, переживавших в это время свой расцвет. Это взаимовлияние, как известно, становится особенно интенсивным в эпоху эллинизма, причем, если восприятие микенскими греками политических структур Древнего Востока сводилось преимущественно к их одностороннему заимствованию, ничего не прибавлявшему к комплексу элементов «донорских» восточных цивилизаций, то в эллинистический период заимствование не просто активизируется, но и приобретает обоюдный характер.

³⁴ См. подробнее: Наймушина А. Н. Закономерности и фазы культурной диффузии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2014. № 164. С. 78–86. EDN: SEJJKJ

³⁵ См. подробнее: Античный полис: Курс лекций / отв. ред. В. В. Дементьева. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2010. С. 41–43.

³⁶ См.: Андреев Ю. В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Алетейя, 2001. С. 38–39.

³⁷ См., например: Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. С. 21; Горшунов Д. Н. Частное право в эпоху античности: формирование идеи // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2008. № 4. С. 56.

³⁸ См.: Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 1996. С. 132 и след.

Так, с одной стороны, в результате походов Александра Македонского античные полисы начинают создаваться на всей территории бывшей империи Ахеменидов, постепенно заменяя собой более традиционную для Древнего Востока форму гражданской общины, а именно гражданско-храмовые общины (*âlu*), которые к концу I в. до н. э. сохраняются лишь в таких относительно изолированных регионах, как Циркумпонтида, Закавказье, Вавилония, Иудея и др.³⁹ При этом сам эллинистический полис претерпевает существенную трансформацию, обусловившую его качественное своеобразие в сравнении с классическим античным полисом⁴⁰. А именно из независимого государства, цитадели народовластия, полис превращается в местный административный центр, всецело подчиненный власти эллинистических монархов и выступающий проводником их воли, отличаясь от других видов городских общин (туземных городов и военных колоний) скорее своими масштабами, чем объемом политических прав.

С другой стороны, в «старом» греческом мире царская власть, ранее ограниченная относительно узкими рамками ведения войны и отправления религиозных культов, становится абсолютной, неограниченной и всеобъемлющей, уподобляясь власти древневосточных монархов⁴¹. Такая тенденция наметилась уже в период поздней классики (IV в. до н. э.), когда в ряде полисных государств к власти приходят тираны, которые, занимая вначале выборные, хотя и в ряде случаев экстраординарные, должности, впоследствии сосредотачивают в своих руках всё большую власть, поставившую их над гражданским коллективом⁴². В эпоху эллинизма заимствование атрибутов царской власти у восточных народов, начало которому было положено еще Александром Великим, становится повсеместным. Всё это свидетельствует о том, что империя как культурный феномен, зародившийся впервые исключительно на Древнем Востоке, была затем глубоко воспринята античной цивилизацией, получив в ее рамках импульс к дальнейшему развитию.

Выводы

Из всего вышеизложенного становится ясным, что смысл мировой истории находит проявление в эволюции культурных феноменов, в том числе и таких, как государство и право. Переход на каждую последующую ступень эволюции всё полнее и глубже раскрывает смысловой потенциал, заложенный в культурном творчестве человечества. К числу основных факторов эволюционного процесса, как было показано, следует отнести прежде всего универсализацию духовных (религиозных, нравственных, правовых, политических и иных) ценностей, то есть их распространение на всё более широкие сообщества людей, внутри которых эти ценности выполняют интегрирующую функцию, сплачивая их членов в единое целое.

Одновременно принятие общих ценностей служит необходимым условием взаимного признания участников культурной коммуникации в качестве равноправных и самоценных субъектов, предполагающего в числе прочего осознание индивидами, культурами, цивилизациями уникальных особенностей друг друга. Это осознание, в свою очередь, способствует достижению человечеством того единства в многообразии, которое выступает целью исторического процесса, определяющей его общее направление и основные этапы. Непрерывное движение к указанной цели, составляющее смысл мировой истории, происходит в масштабах долгого времени (*la longue durée*), медленное течение которого позволяет

³⁹ См.: Абрамов А. Е., Багиров Р. С. Гражданско-храмовая община как форма существования гражданского общества на древнем Ближнем Востоке // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 3 (36). С. 147–151. EDN: UJVEUP

⁴⁰ См.: Грушевой А. Г. Народовластие в греческих полисах эллинистического периода по почетным декретам в честь эвергетов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2016. № 16-1. С. 67–80. EDN: WUAGDN; Заралин Р. В. Между свободой и империей: греческий полис в эллинистическом Египте // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 11 (20). С. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2016-11-28-37>

⁴¹ См.: Евдокимов П. А. Цари доэллинистического Кипра: между богами и людьми, между бронзой и железом, на перекрестке Востока и Запада // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Лалынин. М.; СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 110–111.

⁴² См.: Беве Г. Тираны Греции. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. Аналогичные процессы происходят и в Римской Республике I в. до н. э., где находят применение модели формирования эллинистических монархий, что позволяет сделать вывод об их влиянии на эволюцию римского государства.

обнаружить закономерности социокультурной эволюции, скрытые от взгляда исследователей на более коротких исторических дистанциях⁴³.

Сюда же следует отнести и динамику так называемых «вечных» ценностей, бытие которых, на первый взгляд, кажется статичным и неизменным, но в перспективе долгого времени они распространяют свое действие на всё более широкие массы людей, сближая и сплачивая их в ценностном отношении друг к другу и к окружающему миру. Экстраполируя (с известной долей условности) результаты, полученные в настоящей работе, на всемирно-исторический процесс в целом, представляется возможным выделить следующие его этапы в масштабе долгого времени: 1) *долгую архайку* (от зарождения человечества до VIII в. до н. э.); 2) *осевое время* (от VIII в. до н. э. до 1789 г.), включающее в себя историю великих мировых империй; 3) *долгий XIX век* (с 1789 по 1914 г.); 4) *короткий XX век* (с 1914 по 1991 г.), завершение которого было ознаменовано наступлением эры *глобального человечества*, исторически и логически являющейся противоположностью долгой архайке⁴⁴.

Мощной движущей силой социокультурной эволюции во всех ее аспектах, включая эволюцию права и государства, является совершенствование средств знаковой коммуникации. Мы видим, что данный процесс последовательно проходит стадии жестовой, звуковой (оро-акустической) и визуальной (графической) коммуникации, причем каждой из этих стадии соответствуют характерные для нее виды знаков. Так, средствами линейной жестовой речи являются в основном индексальные знаки, среди которых главное место занимают различные виды дейксиса. На стадии звуковой речи наряду с индексальными знаками возникают иконические знаки, представляющие собой как простейшие пиктограммы, пользующиеся распространением среди первобытных народов, так и развившуюся из них иероглифическую письменность.

Последняя долгое время выполняла двоякую функцию: с одной стороны, письменность (в том числе в таких высокоразвитых цивилизациях, как древнеегипетская, хеттская, шумеро-аккадская и древнекитайская) играла вспомогательную роль: ее применяли лишь в ограниченных сферах общения, таких как хозяйственное, деловое, юридическое письмо и др. С другой же стороны, письменность маркировалась как сакральный вид коммуникации, неслучайно священные тексты, начиная с Текстов пирамид и заканчивая Кораном, имели письменную фиксацию.

Переход от иероглифической письменности к алфавитному письму становится одним из признаков наступления Осевого времени. Именно в эту эпоху возникает новый тип коммуникации, а именно коммуникация символическая, качественно отличающаяся от индексальной и иконической коммуникации. Особенность знаков-символов состоит в том, что их означаемыми выступают не конкретные предметы или группы предметов, но классы предметов и явлений, а также более или менее общие, в том числе абстрактные, понятия. Таким образом, в символическом (понятийном) мышлении реальность удваивается, распадаясь на мир вещей и явлений и мир общих понятий, причем именно благодаря символам человеческое сознание устанавливает однозначные или многозначные соответствия между элементами этих двух множеств⁴⁵.

Стадиям совершенствования средств знаковой коммуникации соответствуют и рассмотренные выше стадии эволюции социальной организации, в том числе государства, основными факторами которой являются, как мы видели, целенаправленный характер развития, приобретение новых признаков и рост структурной сложности. Последний, с одной стороны, увеличивает системную устойчивость социального порядка, но, с другой стороны, порождает новые уязвимости, являющиеся тем вызовом, которые стимулируют ответную реакцию социального организма в виде приобретения новых признаков и перехода на следующий уровень структурно-функциональной организации.

⁴³ См.: Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / под общ. ред. И. С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 124.

⁴⁴ В понимании «долгого XIX века» и «короткого XX века», а также в определении их хронологических рубежей, мы придерживаемся позиции Э. Хобсбаума, вполне отдавая себе отчет в известной условности, умозрительности данных понятий, требующих более детальной проработки, далеко выходящей за пределы настоящей статьи.

⁴⁵ См.: Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. С. 255.

Несложно заметить, что эти стадии имеют прямое отношение не только к фактической стороне мировой истории, но и к ее смысловому аспекту, поскольку переход на каждую следующую стадию способствует всё более глубокому и всестороннему раскрытию смысла человеческой истории. Этому же способствует и взаимное влияние, оказываемое культурными традициями, которое можно сравнить со скрещиванием видов в биологии или с конвергенцией языков в лингвистике. Более того, культурную диффузию следует считать отнюдь не случайным, спорадическим явлением, но постоянно действующим фактором, определяющим социокультурную эволюцию в различных ее аспектах, в том числе и в плане эволюции государства. В этом можно было убедиться на примере феномена империи, впервые зародившейся в рамках древневосточной цивилизации, а затем, через посредство античной цивилизации воспринятой и западной традицией права.

Таким образом, можно вести речь о непрерывной преемственности культурных форм, выступающей важным фактором исторического развития в общечеловеческом масштабе. Представляется, что в силу целого ряда обстоятельств эта преемственность с особой наглядностью проявила себя именно в эволюции государств Древнего мира, что делает ее заслуживающим особого внимания предметом изучения и универсальной моделью всемирно-исторического процесса.

Список источников

1. *Абрамов А. Е.* Гражданско-храмовая община как форма существования гражданского общества на древнем Ближнем Востоке / А. Е. Абрамов, Р. С. Багиров // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 3 (36). С. 147–151. EDN: UJVEUP
2. *Андреев В. Н.* Структура частного богатства в Афинах V–IV вв. до н. э. // Вестник древней истории. 1981. № 3 (157). С. 21–48.
3. *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Алетейя, 2001. 432 с.
4. *Аннерс Э.* История европейского права. М.: Наука, 1994. 394 с.
5. *Античный полис: Курс лекций* / отв. ред. В. В. Дементьева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 240 с.
6. *Берве Г.* Тираны Греции. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.
7. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / под общ. ред. И. С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 115–142.
8. *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Бурдые П. Социология социального пространства / отв. ред. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. С. 64–86.
9. *Вебер М.* Предварительные замечания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44–61.
10. *Величко А. М.* «Византийские» полномочия западных императоров и королей // Юридическая мысль. 2011. № 5 (67). С. 57–93. EDN: ONZJOJ
11. *Гартман Н.* К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. 640 с.
12. *Гиндин Л. А.* Гомер и история Восточного Средиземноморья / Л. А. Гиндин, В. Л. Цымбурский. М.: «Восточная литература» РАН, 1996. 328 с.
13. *Горшунов Д. Н.* Частное право в эпоху античности: формирование идеи // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2008. № 4. С. 56–60.
14. *Грушевой А. Г.* Народовластие в греческих полисах эллинистического периода по почетным декретам в честь эвергетов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2016. № 16-1. С. 67–80. EDN: WUAGDN
15. *Гуревич А. Я.* К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад // Вопросы философии. 1968. № 2. С. 118–129.
16. *Дорофеев Д. Ю.* Личность и коммуникация. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб.: ЧОУ РХГА, 2015. 639 с.

17. Дьяконов И. М. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии / И. М. Дьяконов, В. А. Якобсон // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 3–16.
18. Евдокимов П. А. Цари доэллинистического Кипра: между богами и людьми, между бронзой и железом, на перекрестке Востока и Запада // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Лалынин. М.; СПб.: Изд-во РХГА, 2016. С. 78–118.
19. Зарапин Р. В. Между свободой и империей: греческий полис в эллинистическом Египте // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 11 (20). С. 28–37. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2016-11-28-37>
20. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 23–100.
21. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 3. Феноменология познания. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 400 с.
22. Кофанов Л. Л. Внешняя система римского права: право природы, право народов и коммерческое право в юридической мысли античности. М.: Статут, 2015. 192 с.
23. Кроче Б. Теория и история историографии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 192 с.
24. Ламарк Ж. Б. Вступительные лекции к курсу зоологии // Ламарк Ж. Б. Избранные произведения. В 2 т. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 9–164.
25. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
26. Ломакина И. Б. Постгуманизм как вызов антропологии права / И. Б. Ломакина, И. Л. Честнов // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2024. № 1 (53). С. 27–37. DOI: 10.25688/2076-9113.2024.53.1.03. EDN: ERWPEW
27. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический Проект; Фонд Мир, 2005. 496 с.
28. Марр Н. Я. Язык и мышление // Марр Н. Я. Избранные работы. Т. III. Язык и общество. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 90–122.
29. Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 686 с.
30. Межеричкий Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
31. Мейер Э. Экономическое развитие Древнего мира. М.: Типография «Труд», 1910.
32. Наймушина А. Н. Закономерности и фазы культурной диффузии // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2014. № 164. С. 78–86. EDN: SEJJKJ
33. Пашенцев Д. А. Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 44–50. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-6794-2022-3-44-50>
34. Поздняков А. А. Что такое ламаркизм? // Lethaea rossica. Российский палеоботанический журнал. 2022. Т. 25. С. 48–75. DOI: 10.34756/GEOS.2023.17.38594. EDN: QLVBHG
35. Полдников Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права. В 2 т. Т. I. Правовые традиции Древности и Средневековья. М.: Норма, ИНФРА-М, 2023. 544 с.
36. Поляков А. В. Конституция России, традиционные ценности и основной принцип права // Конституция и общественный прогресс: Материалы международной научно-практ. конференции / отв. ред. М. С. Саликов, О. А. Заячковский. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 13–23. EDN: GFBDRW
37. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. II. Время лжепророков. Гегель, Маркс и иные оракулы. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.
38. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. 413 с.
39. Тихонова С. В. Коммуникативная теория права в цифровую эпоху. Дисс. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2025. 433 с.

40. Тойнби А. Дж. Исследование истории. В 3 т. Т. 1. СПб.: Изд-во СПбГУ; «Изд-во Олега Абышко», 2006. 446 с.
41. Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима III–I вв. до н. э. М.: Наука, 1978. 257 с.
42. Франк С. Л. Смысл жизни. Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1976. 177 с.
43. Фробениус Л. Детство человечества. СПб.: Изд-во книжного магазина П. В. Луковникова, 1910. 369 с.
44. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Изд-во «Независимая газета», 2004. 632 с.
45. Хохлов Е. Б. Организация хозяйства и труда в античную эпоху // Российский ежегодник трудового права. 2010. № 5. С. 9–25. EDN: MULTXJ
46. Честнов И. Л. Постклассическая методология правовых исследований // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2 (76). С. 14–21. EDN: LIGMQZ
47. Честнов И. Л. Социокультурная антропология права как историко-правовая методология / И. Л. Честнов, И. Б. Ломакина // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (106). С. 44–49. DOI: <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-2-44-49>
48. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
49. Hampl F. (1939) Poleis ohne Territorium. *Klio*. Bd. 32. S. 1–60.
50. Rostovtzeff M. (1926) The Social and Economic History of the Roman Empire. *Oxford University Press*, 695 p.

Об авторе:

Разуваев Николай Викторович, заведующий кафедрой гражданского и трудового права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент; e-mail: razuvaev-nv@ranepa.ru

References

1. Abramov, A. E., Bagirov, R. S. (2015) Civil-temple community as a form of existence of civil society in the ancient Near East. *Bulletin of the Vladimir Law Institute*. No. 3 (36). Pp. 147–151. (In Russ.)
2. Andreev, V. N. (1981) Structure of private wealth in Athens in the 5th–4th centuries BC. *Bulletin of ancient history*. No. 3 (157). Pp. 21–48. (In Russ.)
3. Andreev, Yu. V. (2001) The price of freedom and harmony. A few strokes to the portrait of Greek civilization. *Aletheia*. 432 p. (In Russ.)
4. Annens, E. (1994) History of European law. *Nauka*. 394 p.
5. Dementieva, V. V. (eds) (2010) Ancient polis: Lecture course. *Russian Foundation for Assistance to Education and Science*. 240 p. (In Russ.)
6. Berve, G. (1997) Tyrants of Greece. *Phoenix*. 640 p.
7. Braudel, F. (1977) History and Social Sciences. Historical Duration. In: Philosophy and Methodology of History. *Progress*. Pp. 115–142.
8. Bourdieu, P. (2007) Social Space and Symbolic Power. In: Bourdieu P. Sociology of Social Space. *Aletheia*. Pp. 64–86.
9. Weber, M. (1990) Preliminary Remarks. In: Weber M. Selected Works. *Progress*. Pp. 44–61.
10. Velichko, A. M. (2011) “Byzantine” powers of Western emperors and kings. *Legal Thought*. No. 5 (67). Pp. 57–93. (In Russ.)
11. Hartman, N. (2003) On the foundations of ontology. *Nauka*. 640 p.
12. Gindin, L. A., Tsymbursky, V. L. (1996) Homer and the history of the Eastern Mediterranean. “*Vostochnaya literature*” of the Russian Academy of Sciences. 328 p. (In Russ.)
13. Gorshunov, D. N. (2008) Private law in the era of antiquity: the formation of the idea. *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4. Pp. 56–60. (In Russ.)

14. Grushevoy, A. G. (2016) Democracy in the Greek poleis of the Hellenistic period according to honorary decrees in honor of the Euergetes. *Mnemon: Research and publications on the history of the ancient world*. No. 16-1. Pp. 67–80. (In Russ.)
15. Gurevich, A. Ya. (1968) On the discussion of pre-capitalist social formations: formation and way of life. *Questions of Philosophy*. No. 2. Pp. 118–129. (In Russ.)
16. Dorofeev, D. Yu. (2015) Personality and communication. Anthropology of the oral and written word in ancient culture. *PEI RCHA*. 639 p. (In Russ.)
17. Dyakonov, I. M., Yakobson, V. A. (1982) “Nomes”, “territorial kingdoms”, “policies” and “empires”. Problems of typology. *Bulletin of ancient history*. No. 2. Pp. 3–16. (In Russ.)
18. Evdokimov, P. A. (2016) Kings of pre-Hellenistic Cyprus: between gods and people, between bronze and iron, at the crossroads of East and West. In: Gods among people: the cult of rulers in the Hellenistic, post-Hellenistic and Roman world. *Publishing house of the Russian Academy of Arts*. Pp. 78–118. (In Russ.)
19. Zarapin, R. V. (2016) Between freedom and empire: the Greek polis in Hellenistic Egypt. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*. No. 11 (20). Pp. 28–37. (In Russ.)
20. Camus, A. (1990) The Myth of Sisyphus. Essay on the Absurd. In: Camus A. The Rebellious Man. Philosophy. Politics. Art. *Politizdat*. Pp. 23–100.
21. Cassirer, E. (2002) Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 3. Phenomenology of Knowledge. *University Book*. 400 p.
22. Kofanov, L. L. (2015) The External System of Roman Law: Law of Nature, Law of Nations, and Commercial Law in the Legal Thought of Antiquity. *Statut*. 192 p. (In Russ.)
23. Croce, B. (1998) Theory and History of Historiography. *School “Languages of Russian Culture”*. 192 p.
24. Lamarck, J. B. (1955) Introductory Lectures to the Course of Zoology. In: Lamarck J. B. Selected Works. In 2 vols. T. I. *Publishing House of the USSR Academy of Sciences*. Pp. 9–164.
25. Lyotard, J. F. (1998) The State of Postmodernism. *Aletheia*. 160 p.
26. Lomakina, I. B., Chestnov, I. L. (2024) Posthumanism as a Challenge to the Anthropology of Law. *Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences*. No. 1 (53). Pp. 27–37. (In Russ.)
27. McLuhan, M. (2005) The Gutenberg Galaxy. The Formation of the Printing Man. *Academic Project; Mir Foundation*. 496 p.
28. Marr, N. Ya. (1934) Language and Thinking. In: Marr N. Ya. Selected Works. Vol. III. Language and Society. *Sotsekgiz*. Pp. 90–122. (In Russ.)
29. Mashkin, N. A. (1949) Principate of Augustus. Origin and Social Essence. *Publishing House of the USSR Academy of Sciences*. 686 p. (In Russ.)
30. Mezheritsky, Ya. Yu. (2016) “The Restored Republic” of Emperor Augustus. *Russian Foundation for Assistance to Education and Science*. 992 p. (In Russ.)
31. Meyer, E. (1910) Economic Development of the Ancient World. *Trud*.
32. Naimushina, A. N. (2014) Patterns and Phases of Cultural Diffusion. *Bulletin of the Russian State Pedagogical Univ. A. I. Herzen*. No. 164. Pp. 78–86. (In Russ.)
33. Pashentsev, D. A. (2022) Anthropocentrism as Overcoming Narrative in Historical and Legal Research. *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. No. 3. Pp. 44–50. (In Russ.)
34. Pozdnyakov, A. A. (2022) What is Lamarckism? *Lethaea rossica*. Vol. 25. Pp. 48–75. (In Russ.)
35. Poldnikov, D. Yu. (2023) Comparative History of Foreign Law. In 2 v. Vol. I. Legal Traditions of Antiquity and the Middle Ages. *Norma, INFRA-M*. 544 p. (In Russ.)
36. Polyakov, A. V. (2019) The Constitution of Russia, Traditional Values and the Basic Principle of Law. In: The Constitution and Social Progress: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. *Kant Baltic Federal University Publishing House*. Pp. 13–23. (In Russ.)
37. Popper, K. (1992) The Open Society and Its Enemies. Vol. II. The Time of False Prophets. Hegel, Marx and Other Oracles. *Phoenix, International Foundation “Cultural Initiative”*. 528 p.
38. Rickert, G. (1998) Natural Sciences and Cultural Sciences. *Respublika*. 413 p.

39. Tikhonova, S. V. (2025) Communicative Theory of Law in the Digital Age. Diss. ... Doctor of Law. Saratov. 433 p. (In Russ.)
40. Toynbee, A. J. (2006) Research of History. In 3 v. Vol. 1. *Publishing house of SPbSU, Oleg Abyshko Publishing House*. 446 p.
41. Utchenko, S. L. (1978) Political Doctrines of Ancient Rome of the 3rd–1st centuries BC. *Nauka*. 257 p. (In Russ.)
42. Frank, S. L. (1976) The Meaning of Life. *Publishing house "Life with God"*. 177 p.
43. Frobenius, L. (1910) Childhood of Humanity. *Publishing house of P. V. Lukovnikov bookstore*. 369 p.
44. Hobsbawm, E. (2004) The Age of Extremes: The Short Twentieth Century (1914–1991). *Nezavisimaya Gazeta Publishing House*. 632 p.
45. Khokhlov, E. B. (2010) Organization of Economy and Labor in the Ancient Era. *Russian Yearbook of Labor Law*. No. 5. Pp. 9–25. (In Russ.)
46. Chestnov, I. L. (2020) Postclassical Methodology of Legal Research. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. No. 2 (76). Pp. 14–21. (In Russ.)
47. Chestnov, I. L., Lomakina, I. B. (2025) Sociocultural Anthropology of Law as a Historical and Legal Methodology. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2 (106). Pp. 44–49. (In Russ.)
48. Jaspers, K. (1991) The Meaning and Purpose of History. *Politizdat*. 527 p.
49. Hampl, F. (1939) Poleis ohne Territorium. *Klio*. Bd. 32. S. 1–60.
50. Rostovtzeff, M. (1926) The Social and Economic History of the Roman Empire. *Oxford University Press*. 695 p.

About the author:

Nikolay V. Razuvaev, Head of the Department of Civil and Labor Law of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Associate Professor; e-mail: razuvaev-nv@ranepa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.